

Кіевскіе місця

Съ прописной буквы.

Прочелъ сегодня въ газетѣ, что О. Сологубъ написалъ новую пьесу. Драма эта съ названіемъ „Мудреный“, содержаніемъ непонятнымъ и почему представляетъ собой драму—неизвѣстно.

„Онъ“ и „Она“ ведутъ чепуховые разговоры о сущности міра и о человѣкѣ во вселенной, и такіе это нудные разговоры, что нагнали-бы сонъ на наиболѣе пуднаго гейдельбергскаго приватъ-доцента по кафедрѣ философіи. Но въ томъ-то и дѣло, что гейдельбергскій приватъ-доцентъ знаетъ свою матерію, а отъ философическихъ размышленій г. Сологуба на сто верстъ разитъ незнаеміемъ философіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ моду дарить міръ откровеніями,—принялись за философскія драмы, за философскіе романы. Писатели несутъ галиматью, и вся философія ихъ, весь глубокій смыслъ ихъ разсужденій сводится къ написанію „ты“, „мы“, „нѣкто“ и пр. съ прописной буквы. И почему „Глушь“ съ прописной буквы должна открыть человѣчеству сущность міроизданія,—секретъ писателей, а еще болѣе—читателей.

На прописныхъ буквахъ погибъ прекрасный талантъ Л. Андреева. Что за яркій, изобразительный былъ это талантъ! Видѣлъ человѣкъ много, запечатлѣвалъ красочно. Такъ нѣтъ! мода толкнула его на путь открытія философскихъ Америкъ. И всѣ эти черты Андреева оказались глупыми, невѣжественными нахалами, которыхъ-бы гетевскій Мефистофель прежде всего отдалъ-бы въ ученіе къ сапожнику. И, изрядно помучивъ читателей глубокомысліемъ, Л. Андреевъ оказался голымъ королемъ. Доста-

точно было задорному мальчику крикнуть на всю улицу, что король безъ одежды, какъ публика шарахнулась отъ писателя въ сторону.

Солнце Андреева зашло. И опять—таки подлая мода, развѣнчавшая большой талантъ, ею-же направленный по ложному пути, нынѣ заранѣе издѣвается надъ всякимъ произведеніемъ, которое создается Андреевымъ. Этотъ реваншъ за собственные ошибки глубоко-несправедливъ, позоритъ читателей и приговариваетъ къ смерти писателей.

Мѣсто Л. Андреева занялъ О. Сологубъ. Это—талантъ, мозаическій, нанизывающій бисеръ разныхъ цвѣтовъ на сѣрую нитку обывательщины. Въ своей области наблюденій, оставаясь царемъ своего дарованія, О. Сологубъ многое далъ-бы родной литературѣ. Но и его зашла мода. И онъ порѣшилъ превратиться въ Гете XX столѣтія, объясняя и поучая, гдѣ заложены корни борьбы между земнымъ и небеснымъ. И, подгоняемый восторженными криками толпы модниковъ и радостнымъ шепотомъ кликушъ изъ критиковъ, О. Сологубъ дошелъ до прописныхъ буквъ и безсютныхъ драмъ, гдѣ „Онъ“ и „Она“ надбавляютъ другъ другу ученическими упражненіями о „Смерти“, „Любви“, „Небесномъ“ и „Земномъ“. Вѣроятно, толпа узрѣть въ новомъ произведеніи великое откровеніе; услужливые критики съ адвокатомъ Гидою во главѣ, снабдятъ „драму“ глубокомысленнѣйшими комментаріями, а О. Сологубъ засядетъ за новую драму, которую испечетъ по старому рецепту, на предметъ нарочитаго ея непониманія.

И опять, въ нѣкій день задорный мальчишка выскочитъ изъ подворотни и крикнетъ:

— А вѣдь это чепуха, которую самъ авторъ не понимаетъ!

И тогда мода презрѣтъ О. Сологуба, и онъ сойдетъ къ тѣни Л. Андреева. Кругъ завершится, черная точка проставится въ концѣ модной славы.

На Руси много талантовъ погибаетъ такимъ образомъ. Упомянувъ о Л. Андреевѣ и О. Сологубѣ, я имѣлъ въ виду фигуры изъ литературно—художественнаго міра, какъ наиболѣе извѣстнаго среднимъ слоямъ населенія. Но и въ областяхъ жизни менѣе популярныхъ наблюдается аналогичное явленіе.

Въ наукѣ, въѣхъ видахъ искусства, даже въ политикѣ можно видѣть гибель талантовъ, загубленныхъ модой и предъявленіемъ къ нимъ чрезымѣрныхъ требованій со стороны публики.

Въ чемъ-же дѣло! Мнѣ пришлось однажды говорить о модѣ въ Россіи. Въ старшій модно-культурной, писалъ я, мода не бываетъ историчной и социологичной. Тамъ, гдѣ все берется интуиціей и экстазомъ нѣтъ логики во влеченіяхъ. Ибо, завершеніе нѣкоего даннаго вызываетъ нормально созданіе другого, противоположнаго завершенному. Объ этомъ писалъ Гегель; это положеніе взято Марксомъ въ основаніе развитія общественныхъ силъ и введено въ социологію, какъ принципъ.

У насъ настоящей, послѣдовательной исторіи еще не было. Скачками дѣлалась политика и общественность. Скачками творилось искусство. Даже гордость нашей культуры—критика и беллетристика 40—70 годовъ—могла создаваться скачками, урывками, обманнымъ путемъ, въ обходъ начальственнаго бдительнаго ока.

Бросались изъ стороны въ сторону, искали путей, которые привели-бы къ обывательщине. Хватались за химеры, и въ рукахъ оставался хвостъ идей, къ которому прицѣпляли огромныя ожиданія. Такъ на самое серьезное образовалась своя мода, столь быстро мѣнявшаяся, не оставлявшая по себѣ ничего длительного ни въ мірѣ фактовъ, ни въ области идей.

И вотъ, по причинѣ того, что нѣтъ у насъ ничего устойчиваго, что не даютъ возможности образоваться ничему историчному,—вся Россія не ждетъ ничего отъ дѣла, пренебрегаетъ упорной работой и—все ждетъ чуда.

Со старыхъ временъ живетъ страна въ эсхатологическихъ мечтаніяхъ. Придетъ царство небесное на землю—и баста. И ждутъ царствія небеснаго, ждутъ „слова“. Поглядите: нѣтъ, кажется, города, гдѣ не было-бы проповѣдника новой религіи. Петербургъ переполненъ ими. Все это „выдумщики“, улавливающіе души путемъ холодныхъ разсужденій. А если появляется горячая и темпераментная проповѣдь,—какъ-бы нелѣпа она ни была, тинетъ къ себѣ тысячи человѣкъ. Гдѣ теперь было бы мыслимо на Западѣ появленіе безалабернаго и сумбурнаго Иліодора, въ какой историчной землѣ въ наши дни Труфановъ могъ-бы превратиться въ Саванароллу? Пять столѣтій назадъ онъ не былъ-бы пріемлемъ на Западѣ, а въ двадцатомъ столѣтіи его создала и дала ему успѣхъ Россія. А сколько Иліодоровъ разбросано по лицу земли русской?

Ждутъ слова въ наукѣ. Да простятъ мнѣ многочисленные почитатели уважаемаго профессора Карѣева. Но развѣ не искали они „слова“ въ поученіяхъ маститаго ученаго, еще такъ недавно покорявшаго сердца юношества Россіи? И всѣ безконечныя издательства, стюція науку по пятакъ за брошюру? Вѣдь у насъ мода на эту „науку“, отъ которой ждутъ чуда.

Развѣ не „слова“ ждутъ отъ политики? Еще въ 1905 и началѣ 1906 г. ожиданіе чуда было объяснимо. Феерично развернулась исторія. Казалось, съ неба гремѣли трубы, и падали Иерихонскія стѣны старины. Но и теперь, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, продолжаютъ ждать чуда. Сдѣлаетъ его Александръ Ивановичъ, Павелъ Николаевичъ или еще кто-то, а можетъ неизвѣстный намъ никому Иксъ, навѣрное—онъ. Онъ—съ прописной буквы. „Будетъ“, „Наступитъ“, „Явится“...

Ждутъ слова и чуда отъ беллетристовъ, отъ тѣхъ, которымъ данъ талантъ belle-lettre, прекраснаго письма,—только. Скажетъ Федоръ Сологубъ, скажетъ Леонидъ Андреевъ,—и чудо возрожденія снизойдетъ на насъ вѣрныхъ.

Даже отъ театра, отъ зрительныхъ впечатлѣній ждали чуда обновленія. Прекрасная память В. О. Коммисаржевской плѣняетъ большинство не воспоминаніемъ о красотѣ воплощенія, а н а ш и м и грезами и какомъ-то чудѣ, что должна была совершить гениальныя артистка. И развѣ только любителіи и цѣнители художественной красоты ждали „слова“ отъ Коммисаржевской, отъ Мейерхольда, разъ московскаго Художественнаго театра? Развѣ религія прекраснаго не переплеталась съ религіей общественнаго такъ тѣсно, что иногда—казалось—театръ олицетворялъ собой всю страну?

Да, Россія все ждетъ чуда. Проѣздомъ, въ разное время, въ отдаленныхъ одинъ отъ другого городахъ я видѣлъ лекторовъ, читавшихъ явные нелѣпости о религіи, философіи, искусствѣ. Наборъ глупыхъ фразъ они окружали мистическими охами и вздохами. И видѣлъ я на лекціяхъ тысячи людей,—широко—раскрытыми глазами вшившихся въ лекторовъ.

Были старики, были юноши. Розовыя, пухленькія барышни и желто-сѣрыя старухи. Глядѣли въ ротъ лектору и ждали, что вотъ-вотъ раздается „слово“... Проявить себя Рокъ въ чудѣ и чуда о мѣ обновится міръ... И развѣжаютъ по Россіи лекторы читаютъ о богѣ по Вербицкой, о смерти и о садическихъ поцѣлуяхъ, собираютъ тысячи рублей и покидаютъ города, гдѣ такъ упорно мечтаютъ о „словѣ“ и о „чудѣ“ и бѣгутъ такъ неустойчиво на призывъ всякаго пророка...

Имъ даютъ обычныя слова съ прописной буквы. И въ бездѣйственномъ, старческомъ состояніи живутъ люди, живетъ страна: философическихъ драмъ и прозаическихъ станований. Отъ послѣднихъ убѣгаетъ къ первымъ: вотъ и вся наша исторія чудесной страны, ждущей чуда.

Петръ Рысь.